

Дмитрий КОЗЛОВ

ИДЕОЛОГИЯ ГРАЖДАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена проблеме интерпретации феномена гражданства в современной России; анализируются различные подходы к изучению данного феномена.

The article is devoted to the problem of interpretation of the citizenship phenomenon in the modern Russia; various approaches to studying the given phenomenon are analyzed.

Ключевые слова:

гражданство, триада Маршалла, национальное государство, национальность; citizenship, Marshall's triad, nation-state; nationality.

Тема гражданства в современной России не является одной из самых обсуждаемых. Само понятие «гражданин» часто рассматривается как нечто очевидное и не требующее дополнительных усилий для концептуализации. Обычно тематика гражданства возникает в пафосном, официозном ключе — как неизменное право россиянина (этому соответствуют такие ситуации, как получение первого паспорта или торжественное вручение наград представителями власти «лучшим из лучших»). Проблематизация связана с темой миграции и спорами вокруг различных режимов принятия мигрантов и проблем их адаптации. Тема также возникает при размышлениях о судьбах соотечественников, да и о самом понятии «соотечественник». Если говорить о внутриполитических проблемах, то идея уважения политических прав как одна из основных составляющих понятия «гражданин» концептуализируется в разных оппозиционных программах, заметно проявившись, например, в движении против фальсификации результатов выборов в парламент и президентских выборов в 2011–2012 гг. Восприятие мигрантов принимающим обществом и восприятие режимов гражданства в этом же обществе взаимосвязано. Согласно предположению известного исследователя Р. Брубейкера, отношение государства к иммиграции и иммигрантам (как к их допуску на территорию, так и к возможности их натурализации) определяется тем, каким образом в этом государстве понимается нация. Если она трактуется преимущественно в политических терминах — как сообщество, формируемое общностью территории, т.е. как гражданское сообщество, то законодательство о гражданстве будет более «инклюзивным». Если же нация понимается преимущественно в этнических терминах — как группа, объединенная общностью происхождения, то законодательство о гражданстве более «эксклюзивно», а возможности натурализации иммигрантов крайне ограничены. Демонстрируя этот тезис, Брубейкер опирался на примеры Франции и Германии как на два противоположных случая: первая — пример господства гражданской концепции нации, вторая — пример этнического понимания ее природы.

Развивая этот тезис Брубейкера, можно предположить, что определение гражданства внутри страны влияет и на определение соотечественников вне нее. Исследователи сходятся во мнении, что для современной России характерным является тренд этнизации гражданства. Соответственно, этот процесс задает и формат определения соотечественников. Такая этническая интерпретация гражданства коррелирует и с общим трендом развития этнического национализма в современной России. Но можно попытаться дать и более

КОЗЛОВ

Дмитрий

Викторович —

к.и.н., научный

директор

Межрегионального

института

общественных наук,

г. Иркутск

mimo@hist.isu.ru

сложную интерпретацию этих процессов. Сложность в этом случае будет обусловлена двумя причинами. Во-первых, мы можем говорить о меняющейся методологии исследований гражданства, связанной с всплеском интереса к данной тематике во всем мире. И второе, собственно, сам объект — динамика посткоммунистического гражданства, где сочетаются влияние советского наследия, советских интерпретаций и новых реалий.

Остановимся подробнее на этих двух моментах. Традиционное для исследований гражданства описание отталкивается от триады прав, описанных Маршаллом. Речь идет о личных, политических и социальных правах¹. Часто такое понимание редуцируется до юридического — просто как запись в паспорте.

На самом деле все не так просто. Очевидно, что тема гражданства оказывается в центре взаимоотношений личности и государства. Но ведь государство можно рассматривать не только как юридическое понятие, юридическую категорию, а как продукт меняющегося «социального воображаемого». Это «воображаемое» тесно связано с чувствами людей, с их идентификацией с государством. Все это предполагает меняющееся участие социальных акторов в нарративах, связанных с институтами и идеологиями государства. Таким образом, рассматриваемое гражданство предстает как динамический процесс в комплексе с феноменом лояльности и принадлежности, включенности. Подобные подходы основаны на постклассических исследованиях гражданства, преодолевающих прежнее рассмотрение института гражданства лишь в юридических терминах. Внимание переносится на принадлежность к «национально-политическому сообществу». Государство в этом случае выступает лишь как объект выражения лояльности, а идея принадлежности к нему отходит на задний план. Можно сделать вывод, что государство перестает доминировать в исследованиях гражданства.

И это не случайный процесс, он обусловлен такими факторами, как:

1) глобализирующийся мир (не все резиденты государства являются его гражданами и не все индивидуумы подпадают

под принадлежность к национальным государствам);

2) неполитические идентификации (родство, племенные и религиозные связи играют в динамике гражданства такую же роль, как и государство);

3) стирание грани между государством и обществом.

Интересно, что это усложнение соответствует и более пристальному прочтению самого классического текста Маршалла («Гражданство и социальный класс»). Исследователи, такие как Б. Капустин, В. Малахов, размышляют о том, что линейная схема развития, «обкатанная» Маршаллом на примере истории Англии и связанная с последовательным наполнением гражданства разными видами прав — сначала личными (например, защита жизни и собственности, если только это не определено иначе решением уполномоченных государственных органов, или право на собственные мнения и верования), затем политическими (воздействие на состав и политику государственных органов, например, посредством участия в выборах корпуса представителей, которые затем становятся управителями или администраторами государственных институтов) и, наконец, социальными (гарантии со стороны государства элементарного прожиточного минимума и удовлетворения основных потребностей, которых либо принципиально нельзя достичь в одиночку, либо усилиями лишь конкретного индивида), не может рассматриваться как универсальная даже в приложении к истории различных европейских стран. С одной стороны, можно говорить о различных представлениях о гражданстве в отдельных странах, обусловленных особенностями их социальной и классовой структуры, политической системы, особенностями публичной сферы, господствующими идеологическими течениями, основными чертами политической культуры и т.п. С другой стороны, сами разные виды прав вполне могут вступать в противоречие и даже в конфликт друг с другом.

Вся эта сложность в равной степени актуальна при обращении к теме воспитания гражданства в современной России. Переходя к теме советского наследия, можно сослаться на интересные исследования К. Вердери. Она рассуждает о том, что для посткоммунистических стран очень характерно рассматривать катего-

¹ Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. — М., 2011.

рию гражданства с точки зрения включенности, которая противопоставляется исключенности¹. Причем включенность часто рассматривается с позиций этничности, обуславливающей принадлежность к общности. Отсюда включенность, принадлежность к государству выступает как гарантия прав и возможность быть субъектом. В таком случае гражданство предстает и продуктом «социального воображаемого», и продуктом, который произведен самим государством. В бывших социалистических государствах существовавшие социалистические наименования и определения государства — ключ к тому, как оно воображается. К. Вердери приводит пример Румынии, где «государство-партия» рассматривалось как институт румынской нации, «отечески» и патерналистски принимающий мудрые и важные решения в интересах «всей семьи». В СССР шли более сложные процессы. Их сложность связана с национальностями — институционализация национальности по-советски привела к тому, что этот феномен начал сложным образом взаимодействовать с концептом гражданства. Как отмечает К. Вердери при исследовании феномена «социального патернализма», естественным в таком случае является феномен постсоциалистической ностальгии по социальным гарантиям. Посткоммунистический социальный патернализм можно считать примером социального конструирования природы гражданства. Он подразумевает наличие определенных ожиданий взамен обязанностей по отношению к государству. Соответствующее отношение к государству очень распространено и в современной России.

Люди в постсоциалистических странах приучены к воображению гражданства через социальные гарантии (в этом проявляется специфика влияния прошлых коммунистических режимов). Но подразумевается, что эти права предоставляются не в равной степени. Разница связана с этничностью, полом, профессией. В Советской России пролетарское гражданство провозглашалось гражданством внеэтническим и равным, но на практике проявлялось и как этнически окрашенное, и как иерархичное. Очень интересную гипотезу по этому поводу высказы-

вает Ш. Фицпатрик в своей статье «Класс как аскриптивная категория». По мнению американской исследовательницы, классы выступали как своего рода «приписанные» категории, напоминая в этом смысле дореволюционные сословия. Во многом это способствовало закреплению социальных отношений, характерных для традиционного общества, но описывались они с использованием марксистской идеологии. Важно, что разнообразные идентичности внегражданской природы (этнические, расовые, половые) влияли на взаимодействие государства и субъектов. Современная российская ситуация также связана с тем, что население не доверяет государству. То есть, языки «государственности» существуют, но это не влияет на процесс легитимизации. Очень важными становятся неформальные практики взаимодействия государства и общества. Размышляя о судьбах конструкта «этничности», необходимо помнить, что в СССР национальность рассматривалась как правовой статус, определяющий статус личности. В свою очередь, территориальная и политическая идентичность отделялись от личностной и этнокультурной идентичности. Возникла сложная и противоречивая система знания/силы, связанная с восприятием национальной идентичности как социальной категории, отделенной от государственности и гражданства, с контролируемыми формально-правовыми формами выражения.

В 90-е годы происходит изменение отношения к национальности. Если говорить о современной России, это ярко проявляется в развитии различных концепций «русскости». Например:

- 1) русская идентичность как «союзная» (сверхнациональная, имперская);
- 2) Россия как нация восточных славян (сюда же входят белорусы и украинцы);
- 3) русские как русскоговорящие независимо от происхождения;
- 4) расовые обозначения русских;
- 5) гражданские русские, что равнозначно российским гражданам.

В последнем случае это может быть связано с проявлением лояльности по отношению к государству и Конституции. В этих условиях гражданство для многих русских не выступает как универсальная концепция, отступая на второй план по сравнению с другими определениями. Этому соответствует непростая история

¹ Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? — Princeton, 1996.

использования понятия «гражданство» в российском обществе. Единственными сферами, где оно сохранялось, была административно-бюрократическая («граждане, на выход!») или уголовно-процессуальная («гражданин начальник») сферы. Можно вспомнить и «гражданскую оборону» как обозначение необходимости постоянной готовности к мобилизации перед лицом врага (правда, данное употребление всегда сопровождал целый шлейф шуточного, неформального его восприятия). Всплеск интереса и энтузиазма к идеологии гражданского общества на рубеже 80-х–90-х гг. сменился скепсисом и апатией. Хотя, как уже отмечалось, дискурс гражданственности периодически возникает на фоне критики существующего политического режима. Согласно разным социологическим опросам для 80% населения России идентичность определяется через язык и культуру, а не через гражданство. Это отражается в становлении дискурса «вымирания русской нации», «геноцида русских». Политика государства коррелирует с таким дискурсом, например, через выстраивание государственного языка по отношению к иммиграции через язык квот, разрешений и регулирования. В этих условиях, например, интеграция мигрантов не рассматривается как политическое решение, а интерпретируется как угроза национальной идентичности. Соотечественники в таком случае предстают как фактор сохранения «русскости», дополнительный источник «жизненных сил русского народа», геополитический ресурс и т.п. Интересно полное отсутствие в России дискуссий о креативной силе мультикультурализма (в отличие, например, от англоговорящего мира). Язык аналитических центров, рассуждающих

о подобного рода проблемах, это язык интересов государства, «стратегических задач», «судьбоносных решений». Все рассмотренные тенденции приводят к тому, что в условиях слабости гражданского компонента развития нации усиливается ее культурный (часто интерпретируемый в этническом ключе) компонент, который накладывается на специфическое постсоветское восприятие государства с помощью патерналистских дискурсов, парадоксальным образом сосуществующих и взаимодействующих с дискурсами полного недоверия государству и отрицания его легитимности. В этих условиях сохраняется и воспроизводится советский режим восприятия гражданства как статуса, обеспечивающего всяческие социальные гарантии, единственным источником воспроизводства которых выступает государство. Это напоминает социальные права из триады Маршалла. Но в данном случае идея политических прав как прав участия и вовлеченности в политический процесс не рассматривается самими российскими гражданами как необходимая и важная составляющая гражданства. Интересно также, что данный патерналистский дискурс гражданства коррелирует с современной идеологией оптимизации и повышения эффективности управления с «социальной точки зрения», где место граждан занимают различные группы населения.

Статья подготовлена в рамках проекта «Политическая модернизация российских регионов: вызовы и риски». Соглашение от 26.07.2012 г. № 14.В37.21.0282. Министерство образования и науки РФ, Иркутский государственный университет: Программа стратегического развития. Проект Р 222-МИ-002.